

С. А. ТОКАРЕВ

О КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ*

I

Близкое этническое родство трех братских восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского — факт, давно и прочно установленный в науке. Это этническое родство опирается и на чрезвычайную близость языков, доходящую до почти полного взаимопонимания, и на историческое единство происхождения, — факт, тоже бесспорно установленный. Сознание родства, сознание единства происхождения и языка всегда было и остается незыблемым у всех трех народов. Это сознание пронесено ими через века испытаний, оно укреплялось в общей борьбе против чужеземных захватчиков и против «своих» угнетателей. Особенно ярко проявилось это сознание родства и братства в наши дни, когда народы Советской страны отмечают славный юбилей — 300-летие воссоединения Украины с Русью.

Но есть одна сторона в вопросе о единстве восточнославянских народов, менее освещенная в науке: это вопрос о родстве или общности народной культуры русских, белорусов и украинцев. Каждый из трех братских народов прошел свой собственный путь развития и на протяжении веков творил свою собственную, самобытную, национальную культуру. У каждого из них она обладает своими собственными чертами, которые отсутствуют у других народов. Даже прямо на глаз материальная культура, например, украинцев заметно отличается от белорусской, от русской. И по национальной одежде, и по типу жилища и т. п. украинцев, белорусов и русских различить нетрудно.

Эти бесспорные различия были, однако, односторонне раздуты, преувеличены в работах буржуазных националистов, особенно украинских. Выхватывая с предвзятой целью только черты различия, умалчивая о чертах сходства в культуре названных народов, украинские националистические этнографы и историки типа Волкова, Грушевского стремились противопоставить украинский народ русскому, разорвать связь между ними. Это делалось в угоду интересам реакционной буржуазии, интересам империализма, для того, чтобы ослабить наши народы и помешать им сообща бороться за свободу, за демократию, за социализм.

Большая вина советских этнографов состоит в том, что они до сих пор слишком мало интересовались сравнительно-историческим изучением культуры русского, украинского и белорусского народов. Кое-какие работы в этой области имеются, некоторые интересные результаты достигнуты, но они еще очень невелики в сравнении с тем, что нужно в этой области сделать.

Задача настоящей статьи — обратить внимание этнографов на некоторые факты, требующие в указанном смысле дальнейшего изучения.

* Доклад, прочитанный 15 апреля 1954 г. на сессии Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и 20 апреля 1954 г. на заседании Ученого совета Ин-та этнографии АН СССР, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией.

Сложность проблемы заключается не в недостатке конкретного фактического материала: его очень много. Установить близость, даже одинаковость целого ряда форм и черт культуры трех восточнославянских народов совсем нетрудно; труднее порой выделить культурное единство этих народов из более широкого единства народов Восточной Европы, а иногда даже всей Европы.

2

Если существует культурная общность между какими-нибудь народами, то эта общность не может не опираться либо на одинаковость условий материального производства, либо на тесную связь между различными, но друг друга дополняющими условиями материального производства. Трудно представить себе культурную общность между двумя народами, живущими в совершенно разных условиях хозяйственного быта, если при этом они и не связаны между собой постоянными экономическими сношениями. Для восточнославянских народов древней и самой прочной основой культурной общности всегда было земледельческое хозяйство, одинаковое в существенных своих чертах на всем протяжении восточноевропейской равнины.

Это земледельческое хозяйство составляло как бы элементарную основу, на которой могла сложиться общность восточнославянских народов. Но оно не породило какой-либо специфической общности именно этой группы народов, ибо оно охватывало и охватывает гораздо более широкий круг народов. Исторически земледелие прослеживается на гораздо большую глубину, чем само появление славян как этнической общности, а тем более — выделение восточнославянских племен. Ведь корни земледельческого хозяйства в Восточной Европе (и вообще в Европе) теряются в неолитических культурах III—II тысячелетий до н. э., когда еще ни о каких славянах мы не имеем права говорить. Географически же земледельческое хозяйство, однородное по своему типу, издавна распространилось почти по всей Европе, Передней и Юго-западной Азии, Северной Африке. Это плужное (пашенное) земледелие, основанное на культуре хлебных злаковых растений, с постоянным чередованием определенных их видов, с сезонными (весенне-летне-осенними) полевыми работами, с использованием рабочей силы скота, обычно и навозного удобрения, а потому и с непременным подсобным животноводческим хозяйством. Всеми этими признаками данный тип хозяйства отличается, например, от земледелия тропических стран. Для восточнославянских народов все эти признаки характерны не больше и не меньше, чем для всех других народов этой большой области. Не они сами по себе связывали восточнославянские народы в некое культурное единство, но без них не могло бы существовать это единство.

Имеются, однако, такие черты в традиционном земледельческом хозяйстве русских, украинцев и белорусов, которые специфичны только для этой группы народов и не встречаются у других, в том числе даже у западных и южных славян. Эти специфические черты сложились, видимо, в процессе местного развития земледелия в условиях восточноевропейской равнины, как формы приспособления к этим условиям. Сюда относятся типы пахотных орудий. При всем их разнообразии, пахотные орудия восточных славян — русская соха разных видов, черкуша, белорусская сошка, украинское рало и т. д., принадлежат к одному типу — бесполозных (неустойчивых) плугов, тогда как во всей Центральной, Южной и Западной Европе господствуют плуги с полозом, которые преобладают также и на Кавказе (кроме черкесов). Не вполне ясно географическое происхождение бесполозного плуга, но во всяком случае он наиболее типичен именно для восточных славян; более всего правдоподобно чисто местное происхождение этой формы плуга, быть

может связанное с условиями подсецкого лесного земледелия и восходящее генетически к бороне-вершалине.

Из других специфических особенностей следует отметить особое орудие уборки хлеба — серп с насечкой (зазубренный), отличающийся от гладких серпов Центральной и Южной Европы (зазубренный серп известен также соседям восточных славян — восточным полякам, части болгар и др.).

В неземледельческих занятиях русских, украинцев и белорусов тоже сказываются черты, специфические именно для этой группы народов. Так, в прядильной и ткацкой технике Н. И. Лебедева, лучший знаток этого производства, устанавливает общие восточным славянам особенности: сходные формы древних орудий и процессов — мялки, трепалки, моталки-«кресты», снование на стене, одинаковый ткацкий стан (с локальными вариациями), браная техника тканья, полотняное переплетение, закладная техника тканья (с локальными различиями); из орудий более позднего и сложного типа — моталки-«бараны», вертящиеся сновалки, самопрядки, некоторые детали ткацкого стана: блочки, рябушки, сложные подножки и пр.¹ Некоторые из перечисленных особенностей, впрочем, отмечаются и у соседних с восточными славянами народов.

В других ремесленных производствах — гончарном, кожевенном, деревообделочном, кузнечном и т. д. — никто еще не пытался установить общие черты, характерные для восточных славян, но есть основания думать, что такие черты существуют.

3

В типах поселений и формах построек нелегко бывает открыть своеобразные черты, свойственные даже одному определенному народу, если только этот народ расселился на достаточно большой территории с разнообразными природными условиями: вспомним множественность типов жилища, например, у башкир или даже у таких небольших народов, как алтайцы, хакасы, ханты и манси. Тем более трудно порой обнаружить сходные формы в этих явлениях культуры двух данных народов, притом сходные формы, вызванные не одинаковостью природных условий и не новейшим контактом, а глубокой этнической традицией. Поэтому неудивительно, что на первый взгляд и в типах поселений, и в формах построек у восточнославянских народов обнаруживается больше различий, чем сходства. Господствующие типы сельских поселений: у украинцев большое село кучевого плана либо хутор, у белорусов небольшое село рядового (уличного) плана, у русских в большинстве областей село и деревня различной, но редко очень большой величины, на севере небольшая деревня или погост, состоящий из разбросанных однодворок; план деревни — рядовой или уличный. Сходные формы поселений находим мы, кстати, и у соседних и более отдаленных народов, славянских и неславянских. Но это различие типов и форм поселений, вызванное различием географической среды и неодинаковостью истории заселения южных и северных областей, не противоречит исконному единству древних типов восточнославянских поселений: господствующим типом был, вероятно, небольшой родовой поселок кучевого либо линейного плана — тип, засвидетельствованный археологическими памятниками.

Таким образом, данные типологии поселений при историческом их анализе не свидетельствуют ни в пользу, ни против тезиса о культурном родстве восточнославянских народов.

¹ Н. И. Лебедева, Прядение и ткачество восточных славян (рукопись, Архив Ин-та этнографии АН СССР).

Более положительный результат дает изучение типологии построек. На первый взгляд, правда, здесь тоже больше разнообразия, чем сходства. Даже чисто русские крестьянские жилища, скажем, с одной стороны, в Рязанской или Калужской области, с другой, — в Архангельской или Вологодской, мало похожи друг на друга: тут — низкие, приземистые избы с полом на уровне земли, еще недавно часто земляным, с входом прямо с улицы, с четырехскатной соломенной крышей, с разбросанными по открытому двору хозяйственными постройками; там — большой двухэтажный дом, где под одной крышей собраны жилье, крытый скотный двор и другие хозяйственные службы, с высокой тесовой двускатной крышей, повернутый узкой фронтовой стороной к улице, со входом с длинной боковой стороны. Казалось бы — что общего? Тем более, что сходные с южновеликорусским и северновеликорусским типы построек известны у ряда соседних народов. Если же взять украинскую хату, то сама конструкция и материал, из которого она построена, весьма различны в разных областях: у северных украинцев в лесистых местах — срубное жилье, как у русских и белорусов; то же — в западных, прикарпатских областях; в лесостепной зоне — каркасный или столбовой дом; еще южнее, в чисто степной полосе, — постройки, почти обходящиеся без дерева: глинобитные, турлучные, саманные, каменные, кирпичные. При наличии столь большого разнообразия в типах построек даже в пределах одного и того же народа, разнообразия, порожденного неодинаковостью условий географической среды и хозяйства, казалось бы, трудно отыскать черты, общие постройкам всех восточнославянских народов и специфические именно для них. И тем не менее такие черты имеются, и настолько устойчивые и характерные, что их с некоторым даже удивлением отмечали многие исследователи.

Сюда относится прежде всего горизонтальная планировка жилища — «классический» трехкамерный план, разившийся из более древнего двухкамерного (который, кстати, тоже сохраняется местами и у русских, и у украинцев, а у белорусов еще недавно господствовал): жилье (изба, хата) + сени (холодные) + клеть (комора), т. е. кладовая, служащая часто и летним жильем или заменяемая вторым жильем — «чистым» (горница, светлица и пр.). Эти три части жилой постройки расположены всегда в одну линию, со входом через среднюю часть — сени. Этот тип чрезвычайно характерен для всех трех восточнославянских народов, и признаки или следы его почти всегда нетрудно найти в любом крестьянском доме от Архангельска до Одессы, при всей внешней неодинаковости построек, хотя эта трехраздельная планировка нередко и осложняется различными пристройками или разрастанием в многокомнатный план.

Можно ли считать этот «трехкамерный» план специфичным для восточнославянских народов? Повидимому, да. Наличие такого же плана у некоторых соседних неславянских народов — у восточных литовцев и латышей, у карел, вепсов, коми и других — есть, очевидно, результат русского (белорусского) влияния. Тот же трехраздельный план встречается у западных и южных славян, особенно у восточных поляков, у словаков, у хорват, у словенцев, и его можно рассматривать как одну из черт общеславянского культурного родства, хотя там этот план чаще видоизменяется наличием теплых, а не холодных сеней. Последнее может означать либо позднейшее развитие, либо влияние совсем иных, центральноевропейских форм жилища (так называемый «франконский дом»), где внешне сходное трехчастное деление, но с теплыми сенями, восходит, однако, к совсем иным корням. Но, конечно, нельзя представлять себе дело так, что специфические черты восточнославянского жилища, даже очень характерные, отделены какой-то непроницаемой границей от форм, свойственных другим, славянским или неславянским народам.

Исследователи (Рамм, Зеленин) отмечают обычно и другие черты, типичные для крестьянских построек русских, белорусов и украинцев: такие, как обычай воздвигать стены дома непосредственно на земле, без фундамента, однако, если это сруб, то с укладкой под углы больших камней или на вкопанных коротких столбах и, как правило, с засыпкой нижней части стен землей (завалинка или призьба); как поперечное бревно, лежащее на продольных стенах посреди жилья (матца, сволок, трам), на которое настилается потолок; как неподвижные лавки вдоль стен для сидения и спанья; как прикрепленные над ними полки для посуды и утвари.

Чрезвычайно характерна для всех восточных славян так называемая «русская» (духовая, «варистая») печь, непременная принадлежность каждого крестьянского жилища. Древность этого типа печи, характеризуемого внутренней закрытой полостью, где и раскладывается огонь, восходит в Восточной Европе по крайней мере к трипольскому времени (III—II тысячелетия до н. э.); предполагать, как это делали Нидерле и другие, заимствование печи славянами от римлян через германцев нет поэтому никаких оснований. «Русская печь», вытеснив собой более древний открытый очаг, примитивную печь-«каменку» (сохраняющуюся местами на севере как рудимент, например, в банях) и наружную хлебную печь южных областей, превратилась, по крайней мере с начала II тысячелетия н. э., в один из специфичнейших признаков именно восточнославянского жилища; и у восточных, и у западных соседей сохранились те или иные формы открытого очага, превращающегося в пристенный камин, а в новейшее время вытесняемого разными плитками и «голландками». Русская печь пережила долгую эволюцию, из глинобитной почти везде превратившись в кирпичную, из «черной» — в печь с дымоходом; место ее в жилье тоже не оставалось неизменным, и теперь оно различно у украинцев и белорусов, у западных и у восточных южно-великорусов, у северновеликорусов; в домах же новой стройки наблюдается вообще свободное, не связанное традицией положение печи, особенно в связи с разделением жилой избы на комнаты, с выделением кухни. Но при всем том для всех восточных славян русская печь остается характерным признаком сельского (местами и городского) жилища. К некоторым соседним народам русская печь проникла вместе с другими чертами русского влияния и местами соединилась у них с плитой со вмазанным котлом (татары и др.), либо с очагом (чуваша, карелы). У западных и южных славянских народов печь, приближающаяся к тому же типу, известна: она есть у поляков, у словаков, у хорват и словенцев. Имеются все основания рассматривать ее у этих народов как пережиток древней общеславянской эпохи.

Отмечалось не раз, что с особенностями русской печи связаны и своеобразная кухонная утварь, и способы приготовления пищи у восточных славян: в отличие от большинства других народов, они не знают подвесного или вмазанного котла, обогреваемого снизу; вместо него имеется печной горшок, обогреваемый сбоку, а в новейшее время повторяющий ту же форму глиняного горшка «чугун» без ушей, с перехватом внизу; непременной принадлежностью служит поэтому «ухват» («рогач») на длинной палке, чтобы ставить и вынимать из печи эти чугуны.

Типы народной одежды не стоят в такой зависимости, как постройки, от непосредственного влияния внешней среды, поэтому здесь легче открыть сходные формы, следы общности культурного наследия. И в самом деле, в традиционном народном костюме русских, белорусов и украинцев, при всем, конечно, разнообразии его внешних форм, вскрывается глубокое внутреннее единство. Характерна нательная одежда:

женская рубаха из домотканного полотна, с рукавами, с особыми наплечными вставками «поликами» (у северных великорусов, белорусов и украинцев прямыми, у южных великорусов — косыми). Такой тип рубахи находит себе, правда, аналогии в некоторых разновидностях женских рубах у словаков, хорват, северных болгар, но наиболее специфичен он именно для восточных славян. Более древний тип рубахи — туникообразный, сохранивший преобладание у многих народов на востоке, юге и западе, у восточных славян удержался лишь в рудиментах. Мужская рубаха зато сохранила именно туникообразный покрой; у украинцев и белорусов она сохранила и древний прямой разрез ворота на груди, у русских примерно с XV в. разрез ворота передвинут налево («косоворотка»). Поясной женской одеждой служили еще недавно архаические виды одежды, не надеваемые, а обертываемые вокруг бедер, — украинская дерга, обгортка, запаска, плахта, белорусская и южновеликорусская понева; проникающая с запада юбка (укр. спидница, белорусск. андарак), а на севере сарафан лишь сравнительно недавно сменили эту древнюю одежду. В выходной и верхней одежде восточных славян, мужской и женской, меньше характерного, ибо здесь больше сравнительно новых форм. Однако длинная кафтанообразная мужская одежда и теплая двубортная одежда, как с прямой спиной, так и скроенная в талию, довольно однородна у русских, белорусов и украинцев; она заметно отличается от типов верхней одежды соседних народов, особенно на западе.

Типологическое единство женских головных уборов не раз отмечалось исследователями (Богданов, Зеленин, Маслова). При всем их разнообразии они сводятся к элементарным формам, имеющим целью закрыть целиком волосы: к стягивающему волосы чешу (укр. очипок; белорусск. чапец, каптур; русск. повойник, волосник, сборник и др.); к твердой кичке и к навертываемому на нее или без нее непосредственно на голову платку-полотенцу (убрус, полотенце, ширинка, наметка, намитка и пр.). Из этих элементарных форм развились и разные сороки, кокошники, кибалки и другие сложные головные уборы замужних женщин. Аналогичные типы женских головных уборов встречаются как у народов Поволжья (где они имеют, видимо, общее с восточнославянскими происхождение), так и у некоторых западных и южных славян (лужицкие сербы, местами болгары).

5

Что касается явлений общественного быта, то опираться на них при определении исторического родства тех или иных народов, как известно, труднее всего по той простой причине, что формы общественного быта складываются у самых разных народов, независимо от их языковой принадлежности и этнического происхождения, примерно одинаково, соответственно определенной ступени развития их материальных производительных сил. И в самом деле, мы находим поразительно одинаковые или сходные формы общественного устройства у народов разных частей света, находящихся приблизительно на одном, уровне развития. С другой стороны, у одной и той же группы народов, даже у разных частей одного и того же народа, могут бытовать весьма разные формы общественной жизни, отвечающие разным этапам исторического развития. Если поэтому, например, у русских почти до революции сохранялась в тех или иных формах сельская община, не так давно бытовала и большая патриархальная семья, а у украинцев то и другое распалось значительно раньше, еще несколько веков назад, то этот факт сам по себе ничего не говорит ни за, ни против исторического родства русского и украинского народов.

Однако в отдельных специфических обычаях, в семейной обрядовой

жизни можно скорее отыскать черты исторической связи данных народов. И в самом деле, в литературе не раз уже отмечались такие черты в свадебных, родильных, похоронных обрядах русских, украинцев и белорусов. Традиционная свадебная обрядность этих народов построена по одному плану: это хорошо показал Д. К. Зеленин, опровергнув попытки буржуазно-националистических украинских этнографов доказать обратное. Нег смысла здесь приводить его аргументацию и излагать конкретные факты². Правда, многие из общих черт украинской, белорусской и великорусской свадебной обрядности присущи также и свадебному ритуалу других славянских народов, но это нисколько не противоречит более близкому единству именно восточнославянских обрядов.

В родильных обрядах тоже наблюдаются общие основные черты. Анализ этих обрядов позволяет, как установлено тем же Д. К. Зелениным³, выделить в них три главные составные части или этапа, одинаковые у всех трех интересующих нас народов: 1) обряды и обычаи, предшествующие родам или связанные с ними: их господствующая черта — стремление укрыть беременную или роженицу от опасностей, отсюда всяческая скрытность; 2) обряды принятия новорожденного в семью или общину (крестильные обычаи и т. п.); им, напротив, придается широкая гласность, в них участвует вся родня, община; 3) обряды очищения роженицы.

Одинаковы по существу и традиционные погребальные обряды, весьма сходные, впрочем, у всех народов Европы. По исследованиям Зеленина, у восточных славян резко различались два типа похоронных обрядов и связанные с ними представления: одни относились к умершим, так сказать, нормальной смертью; таких покойников обычно называли «родителями»; другие — к погибшим насильственной или преждевременной смертью (их называли «мертвяками», «заложными» и т. п.), — сюда входили и самоубийцы, умершие колдуны и ведьмы, умершие некрещеными дети. Весь погребальный ритуал и обычаи, с ним связанные, были совершенно различны для этих двух групп покойников⁴. Впрочем, подобные факты известны и у других народов, и придавать им особенно большое значение как доказательству родства народов едва ли можно.

6

Вообще в области народных верований все известные этнографические описания говорят об идущем из глубокой древности единстве восточнославянских народных традиций, что не исключает, конечно, своеобразия верований у каждого народа.

Не вдаваясь здесь в эту очень специальную область, отметим только важнейшие характерные черты древних восточнославянских верований и обрядов, отличающие их от верований и обрядов других народов; конечно, отличие это может быть лишь очень условным, ибо религиозные представления самых различных народов нередко оказываются чрезвычайно сходными вследствие сходства породивших их социально-экономических условий.

Очень значительная часть обрядов и верований восточных славян прямо или косвенно связана с земледелием, исконным занятием славянских народов. Среди них видное место занимали разные формы аграрной магии, притом в сравнительно элементарном виде, не осложненные теми многочисленными олицетворениями, какие были характерны,

² D. Zelenin, *Russische (Ostslavische) Volkskunde*, Berlin, 1927; Д. К. Зеленин, *Об исторической общности культуры русского и украинского народов*, «Советская этнография», сб. III, Л., 1940.

³ Там же.

⁴ Д. К. Зеленин, *Очерки русской мифологии*, Пгтр., 1916.

например, для германских народов (и были так подробно описаны В. Манхардтом). Несельскохозяйственные, например, лесные промыслы отразились в верованиях меньше. Исконными земледельческими занятиями восточных славян можно, вероятно, объяснить отсутствие у них (особенно у восточных) культа леса, рощ, деревьев, — культа, отмечавшегося опять-таки для германских народов, а с другой стороны, — для неславянских народов Восточной Европы, в хозяйстве которых лесные промыслы имели более крупное значение.

Из обрядов, связанных с земледелием косвенно, некоторые специфичны для восточнославянских народов и не отмечались в других местах: таковы обряды с «заломами» («закрутками») на растущих хлебных колосьях с целью порчи; обряды опахивания — магической защиты от эпидемий и т. п.

С сельскохозяйственной обрядностью теснейшим образом связаны старинные обычаи, приуроченные к зимнему солнцестоянию, — святочнo-новогодние праздники и ритуалы. Из них для восточных славян особенно характерны так называемые колядки — поздравительные песни, с которыми молодежь обходила дома односельчан. Они были предметом внимания многих исследователей, отмечавших и их самобытные славянские черты и следы влияния антично-византийского мира. Последние исследования Петра Карамана и В. И. Чичерова⁵ внесли больше ясности в этот вопрос. Колядные обряды и песни свойственны, помимо восточных славян, также славянским и неславянским народам Юго-Восточной Европы (румынам, грекам, албанцам и др.). У каждого из восточнославянских народов отмечается свой особый тип святочнo-новогодней песни и обряда: у украинцев собственно колядки и щедривки (особенно в Поднепровье), в средневеликорусских районах «овсень», у северных великорусов «виноградье». Но резкого распределения типов нет: у значительной части южных великорусов и у восточных групп украинцев бытовали одновременно и колядки и овсень. В. И. Чичеров очень хорошо разъясняет историческую обусловленность распределения типов колядок по восточнославянской территории, связь каждого типа с определенной исторической областью и взаимные их связи.

Были попытки определить специфику восточнославянских поверий о колдовстве, отличающую их от аналогичных западноевропейских представлений. Так, например, Антонович, Чубинский, Канторович предполагали, что восточнославянское колдовство было связано не столько с демонологическими представлениями (как на Западе), сколько с верой в живую природу (аниматизм и т. п.)⁶. Этот взгляд сам по себе едва ли верен. Но нельзя отрицать, что преследования «ведьм» и «колдунов» в Западной Европе в средние века принимали гораздо более дикие и массовые формы, чем на Руси, и что это было связано с уродливой гипертрофией веры в нечистую силу в средневековой Западной Европе; на Руси, если и преследовали «колдунов» и «ведьм», то лишь за предполагаемое причиненное ими зло, а не за самый факт ведовской профессии. Это объясняется тем, что Русь была свободна от влияния изуверско-фанатичного католицизма, который принес так много вреда народам зарубежной Европы, распространяя там дикие и жестокие суеверия, связывая преследование «ведьм» церковной инквизицией с искоренением «ересей» и т. п. На Руси принесенное из Византии христианство, конечно, действовало в том же направлении, но далеко уступало в этом отношении католической церкви.

В этой связи надо отметить, что вообще влияние византийского христианства оставило глубокий след на духовной культуре восточно-

⁵ P. Caraman, *Obzręd kołędowania u Słowian i u Rumunów*, Krak., 1933; В. И. Чичеров, Русские колядки и их типы, «Советская этнография», 1948, № 2.

⁶ В. Антонович, *Колдовство*, СПб., 1877 (с предисл. Чубинского); Я. Канторович, *Средневековые процессы о ведьмах*, 2-е изд., СПб., 1899.

славянских народов. Известная часть той общности между русскими, украинцами и белорусами, которая обнаруживается в народных представлениях и в обрядовой жизни, восходит именно к этому общему для них всех византийскому влиянию. Расценивать ли его как положительное или отрицательное (в нем были обе эти стороны), — во всяком случае это влияние было на протяжении многих столетий одним из факторов культурной близости русского народа с украинским и белорусским. Кстати, нельзя забывать, что и в момент исторического воссоединения Украины с Русью этот факт «единоверия» сыграл для народных масс свою роль: в сознании украинского народа православная Московская Русь была, в отличие от католической Польши, страной, близкой не только по языку и обычаям, но и по религии, что в те времена имело большое значение.

7

Глубокая историческая общность обнаруживается при сравнении устного народного творчества русских, украинцев и белорусов. Подробный разбор относящихся сюда фактов требует опять-таки специального исследования, тем более, что в прежней литературе вопрос этот трактовался обычно с неверных методологических позиций: старыми авторами — в духе идей «мифологической» школы, позже — с не менее порочной точки зрения «теории заимствований». Подлинное историческое единство народной поэзии русских, белорусов и украинцев в сущности еще не вскрыто. Для этого требуется исследование, построенное строго исторически, где выделяемые путем сравнительного анализа черты общности не закрывали бы и национальной специфичности фольклора каждого отдельного народа.

Особенно важно было бы исследовать в этом смысле героический и исторический эпос. Совершенно бесспорна древнерусская (или «общерусская») основа былинного эпоса, основная часть которого по происхождению связана с Киевской Русью — по крайней мере во времени, а вероятно, и географически, т. е. создавались эти былины впервые в южной Руси, на территории теперешней Украины. Сохранились же они в настоящее время главным образом на русском Севере и в Сибири. Уже одно это свидетельствует о неразрывности культурной традиции русского и украинского народов. Но недостаточно выяснены исторические взаимоотношения этих древних былин с позднейшими украинскими «думами» (которые, видимо, вытеснили былины из украинского фольклора), хотя этому вопросу и уделялось внимание в научной литературе (Сумцов, Веселовский и др.).

Сравнительное изучение народной музыки восточнославянских народов имеет уже большую давность: впервые еще Иван Прач (1790) пытался установить сходство и различия между русскими и украинскими народными песнями⁷. Позднейшие авторы внесли больше точности в методику исследования. Наиболее интересные наблюдения А. Л. Маслова⁸. Он заметил, что если одни украинские песни по мелодическому строю совершенно сходны с русскими (диатонический лад, простой трех — четырехтоновый звукоряд), то в других, напротив, гораздо больше своеобразия, появляется хроматизм, характерная увеличенная секунда и некий отпечаток «восточной» музыки. Какие же именно виды украинских песен сходны с русскими и какие отличны от них? Пытаясь разобраться в этом вопросе, Маслов установил замечатель-

⁷ И. Прач, Собрание русских народных песен с их голосами, 2-е изд., СПб., 1806.

⁸ А. Маслов, Древнейшие черты в украинских народных песнях, «Этнографическое обозрение», 1913, № 3—4.

ный факт: больше всего сходства между русскими и украинскими мелодиями оказывается в древней, обрядовой песне: именно она отличается указанными признаками простого и строго диатонического строя. В более поздних украинских песнях — думах, исторических и бытовых песнях — как раз проявляется то своеобразие, которое отличает их от русских мелодий и которое, очевидно, связано с влиянием «восточной» музыки степных кочевников. Таким образом, и здесь подтверждается факт исконного, глубинного исторического единства русской, украинской (и белорусской) народной культуры.

То же самое обнаруживает сравнительное изучение народного изобразительного искусства. Этому вопросу посвящены исследования нескольких советских ученых. Последний из них по времени, Л. А. Динцес, особенно отчетливо сумел показать историческое единство народного художественного стиля в разных областях изобразительного искусства⁹. Наиболее архаический стиль декоративного искусства — простой и строгий геометрический орнамент — сохранился главным образом в узорных тканях и в вышивке в разных частях восточнославянской этнической территории: в Карпатах и некоторых других районах Украины, особенно в западных, у белорусов, у южновеликорусов. На этой древней основе у каждого народа позже развивались свои, более сложные мотивы, вырабатывался свой стиль: у украинцев, особенно в средней полосе Украины, наиболее выражен растительный орнамент (цветы, плоды, вазоны), у северных великорусов — своеобразная симметрично-фигурная композиция и т. д. Сказывались и чужеземные влияния — византийское, позже ренессанса, барокко; они по-разному коснулись народного искусства разных областей Руси, но эти влияния не вели к разобщению отдельных восточнославянских народов, общность их художественной культуры сохранялась.

Изучая распространение стилей декоративного искусства у восточных славян, Л. А. Динцес обратил внимание на тот характерный факт, что нигде в пределах этой большой культурной области не существует резких рубежей между областями распространения русского и украинского, русского и белорусского, украинского и белорусского искусства. Между этими областями, напротив, наблюдаются как бы постепенные переходы, промежуточные зоны и «звенья». Это обстоятельство делает еще более убедительным общий вывод об органическом единстве изобразительного искусства трех братских восточнославянских народов¹⁰.

8

Этот общий вывод можно бесспорно распространить и на всю область народной культуры русских, украинцев и белорусов. Подобно тому как языковая карта восточного славянства не знает резких внутренних границ, и между русским и украинским, украинским и белорусским, белорусским и русским языками нет отчетливых рубежей, а имеются лишь полосы переходных говоров, так и в области народной культуры не существует нигде резких скачков: область северновеликорусской культуры переходит через средневеликорусскую в область южновеликорусской культуры, а та сменяется на границах Курской, Воронежской областей, на нижнем Дону, на Кубани, также без резких граней, украинской. Такой же нечувствительный переход украинской культуры в белорусскую наблюдается в северной Черниговщине, на Припяти, в Пинском Полесье. Белорусская же культура в Смоленской и Брянской областях постепенно переходит в русскую.

⁹ Л. А. Динцес, Историческая общность русского и украинского народного искусства, «Советская этнография», сб. V, Л., 1941.

¹⁰ Там же, стр. 22—23.

Наличие этих постепенных переходов не устраняет, конечно, того факта, что украинская культура остается украинской, а русская — русской, но в пограничных областях даже национальное самосознание населения ослабляется: последнее зачастую и само не уверено, к какой из соседних и близко родственных национальностей оно собственно принадлежит. Тем более не ощущается каких-либо четких рубежей в формах культуры.

* * *

Изложенные выше факты и соображения представляют собой не сколько законченные итоги уже проведенных исследований, — таких итогов, как видим, еще немного, — сколько являются попыткой наметить общую программу для будущих исследований. Приходится признать, что этнографы сильно отстали от своих собратьев — лингвистов, археологов, историков — в изучении исторической общности восточнославянских народов (и еще больше — всех славянских народов). Необходимо резко усилить работу в этом направлении. Одна из очередных и важных задач советской этнографической науки — сравнительно-историческое изучение народной культуры русских, украинцев и белорусов с целью выявить исконные общие черты в этой культуре. Такое изучение, несомненно, принесет еще более неопровержимые доказательства глубокого исторического родства, общности происхождения трех братских восточнославянских народов.
